

Футляев Н. С. Русская судьба стихотворения Роберта Бернса «Who is that at my bower-door?..» / Н. С. Футляев, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 284—298. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-284-298.

Futljaev, N. S., Zhatkin, D. N. (2020). Russian Fate of the Poem by Robert Burns «Who is that at my bower-door?..». *Nauchnyi dialog*, 7: 284-298. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-284-298. (In Russ.).

УДК 821.161.1Бернс.032

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-284-298

РУССКАЯ СУДЬБА СТИХОТВОРЕНИЯ РОБЕРТА БЕРНСА «WHO IS THAT AT MY BOWER-DOOR?..»¹

© **Футляев Никита Сергеевич (2020)**, orcid.org/0000-0003-2017-5900, Scopus Author ID 57205261219, кандидат филологических наук, старший преподаватель, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет» (Пенза, Россия), futljaew.n@mail.ru.

© **Жаткин Дмитрий Николаевич (2020)**, orcid.org/0000-0003-4768-3518, Researcher ID V-2151-2017, Scopus Author ID 56242070100, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет» (Пенза, Россия), ivb40@yandex.ru.

В статье впервые рассматриваются вопросы русской переводческой рецепции стихотворения Роберта Бернса "Who is that at my bower-door?.." (1783). Подчеркивается, что шуточное произведение не привлекало внимания русских переводчиков вплоть до 1862 года, когда увидела свет неудовлетворительная, лишенная эмоциональности английского подлинника интерпретация В. Д. Костомарова. Представлены результаты анализа переводов стихотворения, созданных М. Н. Шелгуновым (1879), Т. Л. Щепкиной-Куперник (опубл. 1936), С. Я. Маршаком (1939), С. Саложниковым (опубл. 2014), Е. Д. Фельдманом (2017), А. В. Кротковым (опубл. 2018). Осмысливается восприятие произведения Бернса в русской литературной критике и литературоведении. В частности, анализируются многочисленные рецензии и исследования (А. Т. Твардовский, К. И. Чуковский, Е. Г. Эткинд, Т. Б. Ликумович, Р. Я. Райт-Ковалева, А. Бобылева), вызванные появлением перевода С. Я. Маршака, сохранившего, несмотря на всю свою вольность, атмосферу живого разговора двух людей, и подчеркнувшего их интонационные, эмоциональные и гендерные различия. Отмечено, что, вступив в полемику с С. Я. Маршаком, делавшим Бернса излишне классичным и стилистически «гладким», современные переводчики создали интерпретации в духе куртуазной поэзии, во многом лишенные эстетики подлинника, его неповторимой мелодичности.

¹ Статья подготовлена по проекту Российского научного фонда № 19-18-00080 «Русский Бернс: переводы, исследования, библиография. Создание научно-информационной базы данных».

Ключевые слова: Р. Бернс; «Who is that at my bower-door?..»; русско-английские литературные связи; поэтический перевод; рецепция; традиция; межкультурная коммуникация.

1. Стихотворение «Who is that at my bower-door?..» в контексте творчества Роберта Бернса

Стихотворение Роберта Бернса «Who is that at my bower-door?..» было написано в 1793 году и посвящено молодому акцизному инспектору Джону Финдлею, добросовестному и немногословному человеку, у которого перед переездом на ферму Эллисленд поэт проходил ускоренный курс сборщика налогов и пошлин. С уважением относясь к наставнику, предпочитавшему монотонным речам обширные бумажные инструкции, Бернс сочинил ироничную песню о своем неразговорчивом учителе, настойчиво добивавшемся расположения местной красавицы, см. об этом: [Райт-Ковалева, 1965, с. 207; Lockhart, 1828, p. 178—219]. Стихотворение запоминается отображением «стихии веселья <...>, лишенного всяких условностей <...>, овеянного зачастую грустной иронией», а также акцентировкой неугомонного бернсовского духа, «свободомыслящего <...>, полнокровного, здорового взгляда на жизнь» [Купча-Жосу, 1975, с. 125], позволяющего противостоять превратностям судьбы.

В числе особенностей этого стихотворения, выполненного в духе традиционной шотландской альбы, Л. М. Аринштейн отмечал устранение поэтом излишней нагроможденности, очерченный характер лирического героя, усиленный комизм ситуации, придание песне формы «ноктюрна» (лирического ночного разговора) [Аринштейн, 1982, с. 630—631], столь обожаемого поэтами елизаветинской эпохи (Шекспир, К. Марло, Ф. Сидни). Но в отличие от елизаветинцев, чьими главными героями становились рыцари, исполнявшие серенады под окнами возлюбленных, Бернс выводит на авансцену молодых крестьян, не лишенных галантности, чувственности и любовной страсти, см. об этом: [Колесников, 1967, с. 93—94]. Бернс, опираясь на творческое наследие предшественников, трансформирует описание, раздвигая его границы, однако сохраняет при этом трогательность и красоту искреннего разговора влюбленных, наполненного безмятежной радостью, любовной страстью, горечью разлуки.

Несмотря на кажущуюся простоту и незатейливость стихотворения Роберта Бернса «Who is that at my bower-door?..», оно связано с глубокими историко-культурными и литературными традициями. Начальные строки бернсовского произведения коррелируют с пятой главой «Песни Песней»: «Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот, голос моего возлюбленного, кото-

рый стучится: “отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою”» (Песн. 5:2). Эти ветхозаветные строки, обретшие особую популярность в средневековье, получили, в частности, отклик в одиннадцатой песне «Астрофила и Стеллы» Ф. Сидни («Who is it that dark night / Underneath my window...»), в сборнике «Славные христианские баллады» («The Gude and Godlie Ballatis»), приписываемом Дж. Уэддербёрну («Quho is at my window? Quho, quho?»), в балладе «John’s Earnest Request; Or Betty’s compassionate Love extended to him in a time of Distress», опубликованной в шестом томе «Roxburghe Ballads» («Come open the Door, sweet Betty, / For it’s a cold winter’s night! / It rains, and it blows, and it thunders, / And the Moon it do’s give no light» [The Roxburghe ballads ..., 1889, p. 202]).

Первоисточником для Роберта Бернса могли послужить два лирических стихотворения из сборника баллад А. Рэмзи «Tea-Table Miscellany» (1727) — «Roger’s Courtship» («Young Roger came tapping / At Dolly’s window, / Tumpaty, Tumpty, Tump. / He begg’d for admittance, / She anfwer’d him, No; / Glumpaty, Glumpaty, Dump» [The Tea-table, 1740, p. 370—379]) и «The auld Man’s best Argument» («“O wha’s that at my chamber door?” / “Fair widow, are ye wauking!” / Aild early carle, your suit give o’er, / Your love lyes a’in tawking» [The Tea-table, 1740, p. 154—155]). В сборнике Чарльза К. Шарпа «A Ballad Book», опубликованном в 1880 году, баллада «Mrs Mitchel and Borlan» также начинается со строк «“Who’s that at my chamber door?” / “It’s I, my dear,” quo’ Borlan, — / “Come in,” quo’ she, “let’s chat a while, / You strapping sturdy Norlan!”» [A Ballad ..., 1880, p. 123—124]. Сложность выбора между запоминающимся, броским именем Финдлея и обретшей определенную устойчивость первой строкой бернсовского текста впоследствии ставила русских переводчиков перед дилеммой, в частности, С. Я. Маршак публиковал свой перевод то под названием «Финдлей», ставшим окончательным, то под названием «Кто к нам стучится?» [Майзельс, 1969, с. 771].

2. «Who is that at my bower-door?...» в России: от первых переводов и литературно-критических откликов до перевода С. Я. Маршака

История переводческой рецепции стихотворения Бернса «Who is that at my bower-door?..» в России началась в 1862 году, когда на страницах сборника «Поэты всех времен и народов» был впервые опубликован перевод, выполненный В. Д. Костомаровым [Поэты ..., 1862]; впоследствии эта крайне неудовлетворительная интерпретация, лишенная эмоциональности и шуточности английского оригинала, неоднократно републико-

валась в сборниках поэзии Бернса [Бернс, 1904, с. 61—62], тем самым способствуя формированию интереса других переводчиков к этому произведению. В 1879 году на страницах журнала «Живописное обозрение» увидел свет еще один перевод бернсовского стихотворения, выполненный М. Н. Шелгуновым [Разговор ..., 1879, с. 518].

Первый небольшой анализ «Who is that at my bower-door?..» на русском языке был представлен в статье С. А. Орлова «Бернс и фольклор» (1942), в которой автор обратил внимание на слова И.-В. Гете о тесной связи шотландского поэта с творческим наследием его соотечественников, чьи песни «жили в устах народа, <...> пелись у его колыбели» [Орлов, 1942, с. 141]. Своеобразное «совершенствование» народных песен позволяло Бернсу создавать тексты, тотчас проникавшие в народ, характеризовавшиеся «предельной согласованностью, гармоничностью <...>, напевностью и мелодичностью стиха» [Орлов, 1942, с. 141]. Впоследствии А. Купча-Жосу, во многом повторяя слова С. А. Орлова, соотносила формирование характерной песенной тональности поэзии Бернса со стремлением поэта двигаться от мелодии к тексту, насыщая свои произведения «стабильной ритмикой, легкостью, непринужденной экспрессией, естественностью», открывая перед читателем свой свободомыслящий «неугомонный дух» [Купча-Жосу, 1975, с. 125].

С. А. Орлов также акцентировал внимание на юморе бернсоновских стихотворений, берущем свои истоки в народном творчестве, в котором радость и веселье противопоставлялись мрачному, тяжелому быту крестьян, «приоткрывая слушателю иной — более яркий и красочный мир» [Орлов, 1942, с. 141], в котором труд в поле наполняется созерцанием прекрасного цветка («To a Mountain Daisy, On Turning One Down With The Plough»), отдых после работы проходит в кругу любящей семьи («The Cotter's Saturday Night»), а старость изображена «непосредственно и ярко» («Who is that at my bower-door?..») [Орлов, 1959, с. 14]. В духе времени С. А. Орлов оценивал бернсовский юмор как «протест против несправедливости жизни, аскетизма церкви, притеснений закона и власти», а его смех называл «оружием нападения» [Орлов, 1942, с. 141].

К сожалению, С. А. Орлов даже не упомянул существовавшие к тому моменту переводы «Who is that at my bower-door?..» на русский язык, что, в целом, весьма характерно (см., например, нашу статью о русской рецепции «The Cotter's Saturday Night» Бернса [Жаткин, 2019, с. 102—124]), — отечественные исследователи обычно забывали о созданных интерпретациях, ограничиваясь работой с текстами оригиналов. В отдельных же попытках анализа русских прочтений Бернса были отчетливо заметны

субъективность суждений (категорическое неприятие переводов В. Д. Костомарова, неоправданно высокая оценка ряда переводов С. Я. Маршака), стремление игнорировать отдельные интерпретации (в частности, перевод А. М. Федоровым «The Cotter's Saturday Night», перевод М. Н. Шелгуновым «Who is that at my bower-door?..»); критиками не учитывалось то обстоятельство, что многие переводы, выполненные в прошлом, нельзя оценивать, исходя исключительно из современных требований к поэтическому переводу, поскольку эти требования существенно отличались десятилетия, а тем более столетия назад, в тот момент, когда переводы создавались и воздействовали на читателей.

Отметим расхождения в трактовке отечественными исследователями образа Финдлей, главного героя бернсовского стихотворения. Так, в рассуждениях С. А. Орлова Финдлей вырисовывается пожилым, отчасти «распутным» стариком, «непосредственно и ярко» ухлестывающим за молодой красоткой [Орлов, 1959, с. 14], в книге Р. Я. Райт-Ковалевой перед читателем уже мужчина в расцвете лет, образованный и галантный, «настойчиво и молчаливо» добивавшийся расположения юной барышни [Райт-Ковалева, 1965, с. 207]. Иное понимание образа Финдлей можно видеть у Е. Г. Эткинда, считающего бернсовского героя молодым, «грубоватым» деревенским крестьянином [Эткинд, 1963, с. 314].

Весьма неожиданной является вариативность русского заглавия стихотворения «Who is that at my bower-door?..» (в буквальном переводе — «Кто это у моей входной двери?..»): «Разговор» (М. Н. Шелгунов), «Кто там стучит так поздно в дверь?» (В. Д. Костомаров), «Кто это в дверь мою стучится?» (Т. Л. Щепкина-Куперник), «Финдлей» (С. Я. Маршак, А. В. Кротков), «Кто в дверь колотит?» (С. Сапожников), «Кто нынче влез ко мне во двор?» (Е. Д. Фельдман). Далее, по всему тексту первой строфы, посредством неуместного использования лексем *стучится*, *колотит*, *скребется* всеми переводчиками, в большей или меньшей степени, разрушается атмосфера ночного свидания, создается образ развязного деревенского мужика, шумящего среди ночи у дома спящей девушки. Бернсовский Финдлей не таков; он больше схож с шекспировскими персонажами, исполнявшими серенады под окнами возлюбленных, пусть и уступая им в своих романтических проявлениях. Подобные «елизаветинские» нотки заметны только в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник, в стихах которой «Боюсь, сумеешь вновь *забраться?* / — *И заберусь*, — сказал Финдлей» [Бернс, 1936, с. 28] деревенский возлюбленный обретает некую схожесть с шекспировским Ромео. Кроме того, неуместные детали в переводах нередко приводили к диссонансам; так, в первой строфе мужчина громко сту-

чит в двери, а уже в пятой — зачем-то крадется как вор: «Ты пришел сюда как вор» (В. Д. Костомаров [Бернс, 1964, с. 61]); «Что ж крадешься ты как вор» (М. Н. Шелгунов [Разговор ..., 1879, с. 518]); «Зачем как вор прокрался тайно?» (Т. Л. Щепкина-Куперник [Бернс, 1936, с. 28]); «Что ты там прятешь, будто вор» (А. В. Кротков [Мой маленький Бернс, 2018, с. 325]).

Говоря о «Who is that at my bower-door?..», нельзя не обратить внимания на рефрен, многократно повторяющиеся слова «сказал Финдлей», — это излюбленный прием народной песни, в результате использования которого в каждой новой строфе одна и та же фраза приобретает иную семантико-эмоциональную окраску; об этом значении рефрена писал Ю. М. Лотман в монографии «Структура художественного текста» [Лотман, 2005, с. 135]. Отечественные переводчики, как правило, оказывались не в состоянии прочувствовать и передать изменения семантико-эмоциональной окраски бернсовского рефрена. В этом плане интересен подход Т. Л. Щепкиной-Куперник, по сути отказавшейся от рефрена с целью акцентировки отдельных нюансов описания: после строк, содержащих размышления героини, ею использовалось сочетание существительного с предлогом *в ответ*, подчеркивавшее влюбленность, трепетность Финдлея («Что ж, встать, выпустить тебя, пожалуй? / — Встань ипусти, — *в ответ* Финдлей. / <...> / Тебя оставить... можно ль это?.. / — А ты оставь, *в ответ* Финдлей. / <...> / Но что б ни сделали мы оба... / — Уж сделаем... — *в ответ* Финдлей» [Бернс, 1936, с. 28]); откликаясь на опасения, встревоженность девушки, герой был подчеркнуто спокоен, вследствие чего переводчицей использовался нейтральный глагол *отвечал* («Ты здесь не должен находиться! / — Нет, должен, — *отвечал* Финдлей. / <...> / Коль у меня тебе остаться ... / — Останусь, — *отвечал* Финдлей» [Бернс, 1936, с. 28]); в остальных же случаях Т. Л. Щепкиной-Куперник было важно отметить самоуверенность, настойчивость, пылкость возлюбленного, — в этих строках используется глагол *сказал*, не отвлекающий на себя читательское внимание («Зачем как вор прокрался тайно? / — Выдь да взгляни, — *сказал* Финдлей. / <...> / Не натворил бы бед случайно?... / — И натворю, — *сказал* Финдлей. / <...> / Боюсь, заснуть не дашь мне, малый! / — Таки не дам, — *сказал* Финдлей. / <...> / Боюсь, ты не уйдешь до света?... / — И не уйду, — *сказал* Финдлей. / <...> / Боюсь, сумеешь вновь забраться?... / — И заберусь, — *сказал* Финдлей. / <...> / о том клянись молчать до гроба! / — Да уж смолчу, — *сказал* Финдлей» [Бернс, 1936, с. 28]). Т. Л. Щепкина-Куперник не только увидела и попыталась передать изменения эмоционального фона в английском оригинале, но и оказалась единственной переводчицей, отчасти сохранившей анафору, широко используемую Берн-

сом: *«Боюсь, заснуть не дашь мне, малый! / <...> / Боюсь, ты не уйдешь до света? / <...> / Боюсь, сумеешь вновь забраться?»* [Бернс, 1936, с. 28].

3. Перевод стихотворения Р. Бернса «Who is that at my bower-door?..», выполненный С. Я. Маршаком, и его оценки в русской литературной критике и литературоведении

Значительным событием в русской рецепции стихотворения «Who is that at my bower-door?..» стал перевод С. Я. Маршака, впервые напечатанный в № 18 журнала «Крокодил» за 1939 год [Из Роберта Бернса, 1939, с. 4] и впоследствии много раз переиздававшийся в различных сборниках переводов произведений Бернса, а также в собраниях сочинений С. Я. Маршака [см., напр.: Маршак, 1969, с. 232]. Именно этот перевод был первым упомянут в отечественной литературной критике. А. Т. Твардовский в рецензии на книгу «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» (1950) в № 4 журнала «Новый мир» за 1951 год высоко оценивал работу Маршака-переводчика, отмечал его умение передать «очарование свободной поэтической речи», создать впечатление «будто бы Бернс сам писал по-русски», после чего называл маршаковского Финдлея восхитительным примером сочетания «веселого озорства и остроумия» [Твардовский, 1951, с. 225]. К. И. Чуковский в книге «Высокое искусство» также подчеркнул виртуозность работы С. Я. Маршака, заключающуюся не только в точной передаче смысла оригинального произведения и его «классической строгой конструкции», но и в успешном воссоздании «формы иноязычного подлинника — его ритмов, его звукописи, его эмоциональной окраски», сохранявшей «юношескую, проказливую и победную тональность» [Чуковский, 2001, с. 194]. Схожа в оценках и А. Бобылева, отметившая «особую чуткость» в воссоздании атмосферы разговора действующих лиц, без навязывания С. Я. Маршаком Бернсу «своего поэтического “я”» [Бобылева, 1959, с. 148]; по ее мнению, С. Я. Маршак, пользуясь богатствами русского языка, придал переводу чувство реальности.

В 1960 году в сборнике научных студенческих работ Смоленского государственного педагогического института была опубликована статья Т. Б. Лиокумовича «Мастерство С. Маршака — переводчика Бернса», в которой впервые был осуществлен сопоставительный анализ переводов «Who is that at my bower-door?..», выполненных Т. Л. Щепкиной-Куперник и С. Я. Маршаком. Работа последнего, на взгляд Т. Б. Лиокумовича, является идеалом поэтического перевода, в котором наряду со смыслом, юмором, музыкальностью оригинала удалось передать «самоуверенность Финдлея и его мольбу» [Лиокумович, 1960, с. 83], см., например: « — Как ты при-

йти ко мне посмел? / “Посмел!” — сказал Финдлей. / — Небось наделаешь ты дел. / “Могут!” — сказал Финдлей. / <...> / — Попробуй в дом тебя впустить... / “Впусти!” — сказал Финдлей. / — Всю ночь ты можешь прогостить. / “Всю ночь!” — сказал Финдлей» [Маршак, 1969, с. 232]. Признавая, что сохранение духа оригинала важнее для С. Я. Маршака, чем близость к подлинному тексту, Т. Б. Лиокумович критически замечал «отступления от отдельных деталей», но при этом восторженно констатировал удивительное слияние с оригиналом, отражавшее «идейное содержание, музыку и ритм стихов» Бернса; исследователя, кажется, вовсе не интересовало отношение переводчика к бернсовскому слову, было важно лишь «свежее и сильное» звучание, подчеркивавшее «волшебную песенную суть» [Лиокумович, 1960, с. 85] его стихов. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник Т. Б. Лиокумович назвал «менее поэтичным», отмечая неуместное использование просторечий: «Зачем как вор прокрался тайно! / — **Видь** да взгляни, — сказал Финдлей. / <...> / Боюсь заснуть не дашь мне, малый! / — **Таки** не дам, — сказал Финдлей» [Бернс, 1936, с. 28].

Опираясь на рассуждения Л. И. Тимофеева о необходимости сочетанной адекватной передачи ритма и рифм оригинала и его интонационно-синтаксической организации [Тимофеев, 1958, с. 129], Е. Г. Эткинд в книге «Поэзия и перевод» утверждал, что «добротную» интерпретацию Т. Л. Щепкиной-Куперник погубили инертность и «интонационная аморфность» [Эткинд, 1963, с. 313]. Ее перевод, на взгляд исследователя, не отличался «интонационной отточенностью», являясь «расслабленным, вялым» во многом из-за изменения «социальной характеристики персонажей»; переводчица не смогла воссоздать скупую, грубоватую речь возлюбленных, в связи с чем отдельные реплики девушки звучали «необязательно, шатко, даже неестественно» [Эткинд, 1963, с. 314], а речь юноши осталась невыразительной на протяжении всего диалога. Е. Г. Эткинд также отметил трансформации, приведшие к изменению размера оригинального стихотворения: если бернсовское произведение было написано чередующимся четырехстопным (в нечетных стихах) и трехстопным (в четных стихах) ямбом, то в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник удлинены четные строки (восемь слогов вместо семи в подлиннике), которые С. Я. Маршаком, напротив, сокращены до шести слогов; ср.: «— Останусь, — отвечал Финдлей. / <...> / — И заберусь, — сказал Финдлей. / <...> / Уж сделаем... — в ответ Финдлей. / <...> / — Да уж смолчу, — сказал Финдлей» (Т. Л. Щепкина-Куперник; [Бернс, 1936, с. 28]); «“Побудь!” — сказал Финдлей. / <...> / “Найду!” — сказал Финдлей. / <...> / “Со мной!” — сказал Финдлей. / <...> / “Идет!” — сказал Финдлей» (С. Я. Маршак [Маршак, 1969, с. 232]).

Кроме того, Е. Г. Эткинд обратил внимание на изменения в окончаниях стихотворных строк: вместо преобладавших в подлиннике женских окончаний Т. Л. Щепкина-Куперник применяла чередование мужских и женских рифм, тогда как С. Я. Маршак выполнил перевод с использованием мужских окончаний, в результате чего добился «такой живости и блеска диалога, что чуть ли не превзошел оригинал» [Эткинд, 1963, с. 315].

Многие исследователи второй половины XX века, не утруждая себя сопоставительным анализом переводов, не делая попыток проанализировать обстоятельства, влиявшие на русскую рецепцию Бернса, высказывали мнение о переводах С. Я. Маршака как идеальном варианте прочтения поэзии великого шотландца. Так, А. Бобылева, отдельно характеризуя стихотворения, построенные целиком на диалогах (и в их числе — «Who is that at my bower-door?...»), говорила о трудностях их интерпретации, обусловленных необходимостью «особой чуткости при создании различных характеров с помощью интонации», а также сложностью подбора лексем в репликах действующих лиц, которые во многом становились их точными самохарактеристиками; после этого, без всяких дополнительных пояснений, она выделяла переводы С. Я. Маршака с их «живыми сценками», в которых читатель «слышит различных действующих лиц» [Бобылева, 1959, с. 148]. Наиболее красноречива в этой связи позиция А. Т. Твардовского, который, утверждая, что до С. Я. Маршака «мы не имели настоящего Бернса на русском языке», вместе с тем убежденно говорил, что С. Я. Маршак «не просто “переводил” строфу, пугливо озираясь на оригинал, а создавал ее на основе оригинала» [Твардовский, 1951, с. 227—228]. Создавая свои прочтения Шекспира, Бернса, Блейка, С. Я. Маршак не только формировал новую школу в отечественном художественном переводе, имевшую на протяжении десятилетий множество последователей, но и невольно возвращал читателя в давнюю эпоху русского романтизма, в «золотой век» русской поэзии, когда В. А. Жуковский, И. И. Козлов, К. Н. Батюшков, их современники были не *рабами*, но *соперниками* переводимых ими западноевропейских поэтов.

4. Современные переводы стихотворения Р. Бернса «Who is that at my bower-door?...» на русский язык (С. Сапожников, Е. Д. Фельдман, А. В. Кротков)

Перевод С. Я. Маршака во многом стал рубежным в русской переводческой рецепции бернсовского стихотворения «Who is that at my bower-door?...». С. Я. Маршак, в соответствии со своими переводческими принципами, делал Бернса излишне классичным, совершенным, стилистически

гладким, стремился устранить любые сбои и шероховатости оригинала, превращал поэта конкретной эпохи в творца, живущего в вечности. Новые переводы, появившиеся только в начале XXI века, нацеливались не столько на понимание Бернса, сколько на полемику с С. Я. Маршаком, выразившуюся в появлении нарочитой грубости, лексической «грязи», что были категорически не приемлемы для С. Я. Маршака, чья стилистика гладка и классична. При этом, споря с С. Я. Маршаком, Е. Д. Фельдман, один из наиболее значительных современных переводчиков Бернса, признает «Финдлей» как достижение последнего: «...у С. Я. Маршака это один из его лучших переводов — классика! <...> Маршак попал “в яблочко!”» [Фельдман, 2015, с. 161]. При чтении новейших переводов С. Сапожникова, Е. Д. Фельдмана, А. В. Кроткова невольно возникает ощущение, что стремление поспорить с С. Я. Маршаком, сделать нарочито иначе, чем у С. Я. Маршака, стало критичным. Переводы оказались наполнены просторечиями, жаргонизмами, рядом с которыми нет места ни особой эстетике подлинника, ни его неповторимой мелодичности, ни возвышенности зарождающихся чувств, ср.: «Кто в дверь колотит, шалапут? / <...> / — Катись, да не болтайся тут! / <...> / — Чего приперся, словно тать? / — Выдь, глянь, ответил Финдлей» (С. Сапожников [Бернс, 2014, с. 729]); «Зачем ты здесь, охальный вор? / <...> / — Но ты до утренней звезды... / — Езды, сказал Финдлей. / <...> / — Но мы до первых петухов... / <...> / Больших наделаем грехов. / <...> / Но в этой скачке без конца... / <...> / Я не усну до утраца» (Е. Д. Фельдман [Бернс, 2017, с. 405—406]); «Что ты там прячешь, будто вор? / <...> / Знать разуделся твой прибор. / <...> / Тебе лишь только отвори... / <...> / И ты до утренней зари... / <...> / Накинешь на меня узду... / <...> / И знатно вспашешь борозду! / <...> / Что ты ходил ко мне не раз... / <...> / Не брякни даже в смертный час!» (А. В. Кротков [Мой маленький Бернс, 2018, с. 325—326]). Очевидно, отказываясь от «гладкописи» С. Я. Маршака, значимой для советской эпохи, современные интерпретаторы нарочито подчеркивают куртуазность Бернса и развенчивают тем самым созданный в советское время образ Бернса как крестьянского поэта, живущего думами и интересами простого народа. Тем самым, двигаясь из крайности в крайность, переводчики Бернса во многом отражают текущие общественные настроения.

С. Сапожников, решившийся назвать героя стихотворения Финдлея несколько иначе — Финдли (до этого расхождение с общепринятым именем можно было видеть только в самом раннем переводе В. Д. Костомарова — Финдлай), смог неплохо передать заключительный, третий октет («— Лишь приюти на эту ночь... / — На ночь, — ответил Финдли; / —

Боюсь, зайти ты вновь не прочь! / — Не прочь, — ответил Финдли. / — Что ночевал в моем дому... / — Всю ночь, — ответил Финдли; / — До самой смерти никому! / — А то! — ответил Финдли» [Бернс, 2014, с. 731]), который вызывал трудности у знаменитых предшественников, ср.: «What may pass within this bower, <...> / Ye must conceal to your last hour» [Что произойдет в этом доме, <...> / Ты должен скрыть (сохранить в тайне) до своего последнего часа] (R. Burns) — «Но что б ни сделали мы оба... / <...> / о том клянись молчать до гроба!» (Т. Л. Щепкина-Куперник [Бернс, 1936, с. 28]) — «О том, что буду я с тобой... / <...> / Молчи до крышки гробовой!» (С. Я. Маршак [Маршак, 1969, с. 232]). Е. Д. Фельдман неожиданно предложил внутренние рифмы в стихах, отсутствовавшие и в оригинале, и в других переводах, но придавшие описанию динамичность: «— Кто нынче влез ко мне во двор? / *Но чу!* Никак Финдлей? / Зачем ты здесь, охальный вор? / — *Хочу*, — сказал Финдлей» [Бернс, 2017, с. 405].

5. Заключение

Как видим, стихотворение Бернса «Who is that at my bower-door?..» более полутора столетий привлекало внимание русских переводчиков, однако ни один из созданных в разные годы переводов не может полностью удовлетворить современного читателя. Основными проблемами переводов, выполненных во второй половине XIX века (В. Д. Костомаров, М. Н. Шелгунов), стали утрата динамики, домисливание и переименование описаний английского оригинала, приводившие к возникновению внутренних противоречий. Наиболее успешными можно считать интерпретации середины XX века, которые, будучи выполненными скорее не переводчиками, а поэтами, несмотря на всю свою вольность, сохраняют эмоциональную атмосферу бернсовского подлинника. В этой связи особого изучения заслуживает переводческая деятельность Т. Л. Щепкиной-Куперник, чьи прочтения Бернса и по сей день остаются в тени переводов С. Я. Маршака. Для современных переводчиков характерны попытки толкования данного стихотворения с позиций куртуазной поэзии, стремление избавиться от наследия С. Я. Маршака, его классичности, стилистической гладкости, посредством нарочитого привнесения разговорных, жаргонных, иных сниженных лексем. Стихотворение «Who is that at my bower-door?..», звучащее остроумно и свежо и в наши дни, настойчиво требует нового переводческого взгляда, не отрицающего достижения предшественников, сохраняющего всё самое лучшее и при этом уточняющего понимание бернсовского замысла, воссоздающего незатейливый юмор и трогательную атмосферу доброты и искренности.

Источники и принятые сокращения

1. *Бернс Р.* Из Роберта Бернса / Р. Бернс ; пер. с англ. С. Я. Маршака // Крокодил. — 1939. — № 18. — С. 4.
2. *Бернс Р.* Избранная лирика / Р. Бернс ; пер. с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник. — Москва : Художественная литература, 1936. — С. 28.
3. *Бернс Р.* «Кто там стучит так поздно в дверь?..» / Р. Бернс ; пер. В. Д. Костомарова // Роберт Бернс и его произведения в переводе русских писателей : с биогр. очерком. — Санкт-Петербург : Изд. А. С. Суворина, 1904. — С. 61—62.
4. *Бернс Р.* Собрание стихотворений = Collected poems / Р. Бернс ; пер. С. Сапожникова. — Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического ун-та, 2014. — 1192 с.
5. *Бернс Р.* Стихотворения : [поэмы, послания, эпиграммы и стихотворения на разные случаи жизни] / Р. Бернс ; пер. Е. Д. Фельдмана. — Санкт-Петербург : Вита Нова, 2017. — 520 с.
6. *Маршак С. Я.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3. Переводы из английских и шотландских поэтов / С. Я. Маршак. — Москва : Художественная литература, 1969. — 832 с.
7. *Мой маленький Бернс.* Вступительная заметка и переводы А. В. Кроткова // Художественный перевод и сравнительное литературоведение : сборник научных трудов. Ч. 10. / ред. Д. Н. Жаткин. — Москва : Флинта, 2018. — С. 325—328.
8. *Поэты всех времен и народов* : сборник, издаваемый В. Д. Костомаровым и Ф. Н. Бергом / пер. Ф. Н. Берга, В. Д. Костомарова [и др.]. — Москва : Тип. М. Н. Каткова, 1862. — 176 с.
9. *Разговор* (Из Бернса) / пер. М. Шелгунова // Живописное обозрение. — 1879. — № 51. — С. 518.
10. *A Ballad Book* by Charles Kirkpatrick Sharpe, Esq. — Edinburgh & London : William Blackwood and Sons, 1880. — 186 p.
11. *The Roxburghe ballads.* Volume 1 / by W. Chappell, 1809—1888. — Hertford : Printed for the Ballad Society by S. Austin and Sons, 1889. — 448 p.
12. *The Tea-table miscellany*: or, a collection of choice songs, Scots and English. In four volumes. The tenth edition, being the compleatest and most correct of any yet published / by Allan Ramsay. — London : A. Millar, 1740. — 461 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аринштейн Л. М.* Комментарии / Л. М. Аринштейн // Бернс Р. Стихотворения / сост. И. М. Левидова. — Москва : Радуга. 1982. — С. 559—670.
2. *Бобылева А.* Роберт Бернс в русских переводах / А. Бобылева // Первый сборник студенческих работ. Вып. филологический. Северо-Осетинский гос. пед. ин-т им. К. Л. Хетагурова. — Орджоникидзе, 1959. — С. 141—153.
3. *Жаткин Д. Н.* Стихотворение Роберта Бернса «Субботний вечер поселянина» в русской переводческой и литературно-критической рецепции XIX века / Д. Н. Жаткин, Н. С. Футляев // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 102—124. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-102-124.
4. *Колесников Б. И.* Роберт Бернс : очерк жизни и творчества / Б. И. Колесников. — Москва : Просвещение, 1967. — 240 с.
5. *Купча-Жосу А.* Щедрый дар переводчика / А. Купча-Жосу // Мастерство перевода : сборник статей : вып. 10 : 1974. — Москва : Сов. писатель, 1975. — С. 119—132.

6. *Лиюкумович Т. Б.* Мастерство С. Маршака — переводчика Бернса / Т. Б. Лиокумович // Сборник студенческих научных работ / Смоленский государственный педагогический институт. — Смоленск, 1960. — С. 74—85.

7. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. Структура художественного текста ; Семиотика кино и проблемы киноэстетики : статьи, заметки, выступления (1962—1963). — Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2005. — С. 14—285.

8. *Майзельс С. Р.* Примечания / С. Р. Майзельс // Маршак С. Я. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 3 : Переводы из английских и шотландских поэтов. — Москва : Художественная литература, 1969. — С. 749—812.

9. *Орлов С. А.* Бернс и фольклор / С. А. Орлов // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического и учительского института им. В. В. Куйбышева. Вып. 6. Кафедра литературы. — Куйбышев, 1942. — С. 124—152.

10. *Орлов С. А.* Народный поэт Шотландии (к 200-летию со дня рождения Р. Бернса) / С. А. Орлов. — Горький, 1959. — 37 с.

11. *Райт-Ковалева Р. Я.* Роберт Бернс / Р. Я. Райт-Ковалева. — Москва : Молодая гвардия, 1965. — 352 с.

12. *Твардовский А. Т.* Роберт Бернс в переводах С. Маршака : [Рец. на кн. : Роберт Бернс в переводах С. Маршака. — Москва : Гослитиздат, 1950.] / А. Т. Твардовский // Новый мир. — 1951. — № 4. — С. 225—229.

13. *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха / Л. И. Тимофеев. — Москва : Гослитиздат, 1958. — 413 с.

14. *Фельдман Е. Д.* Бернс, Маршак и другие (XII—XXXII) / Е. Д. Фельдман // Художественный перевод и сравнительное литературоведение : сб. научных трудов. Т. 4. — Москва : Флинта ; Наука, 2015. — С. 152—219.

15. *Чуковский К. И.* Высокое искусство / К. И. Чуковский // Собрание сочинений : в 15 т. Т. 3. Высокое искусство ; Из англо-американских тетрадей. — Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. — С. 3—370.

16. *Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод / Е. Г. Эткинд. — Москва ; Ленинград : Сов. писатель, 1963. — 431 с.

17. *Lockhart J. G.* The life of Robert Burns / J. G. Lockhart. — Edinburgh : Constable and Co ; London : Hurst, Chance & Co, 1828. — 310 p.

RUSSIAN FATE OF THE POEM BY ROBERT BURNS «WHO IS THAT AT MY BOWER-DOOR?...»¹

© **Nikita S. Futljaev (2020)**, orcid.org/0000-0003-2017-5900, Scopus Author ID 57205261219, PhD in Philology, senior lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Penza State Technological University” (Penza, Russia), futljaew.n@mail.ru.

¹ The article was prepared in accordance with the project No. 19-18-00080 “Russian Burns: translations, studies, bibliography. Setting up a scientific information database” of the Russian Science Foundation.

© **Dmitry N. Zhatkin (2020)**, orcid.org/0000-0003-4768-3518, Researcher ID V-2151-2017, Scopus Author ID 56242070100, Doctor of Philology, professor, Head of the Department of Translation and Interpretation Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Penza State Technological University” (Penza, Russia), ivb40@yandex.ru.

The Russian translation reception of Robert Burns's poem “Who is that at my bower-door?..” (1783) is for the first time considered in the article. It is emphasized that the comic work did not attract the attention of Russian translators until 1862, when the unsatisfactory interpretation of V. D. Kostomarov, deprived of the emotionality of the English original, came out. The results of the analysis of translations of the poem created by M. N. Shelgunov (1879), T. L. Shchepkina-Kupernik (publ. 1936), S. Ya. Marshak (1939), S. Sapozhnikov (publ. 2014), E. D. Feldman (2017), A. V. Krotkov (publ. 2018) are presented. The perception of Burns' work in Russian literary criticism and literary criticism is comprehended. In particular, numerous reviews and studies are analyzed (A. T. Twardowski, K. I. Chukovsky, E. G. EtKind, T. B. Lio-kumovich, R. Ya. Wright-Kovaleva, A. Bobyleva), caused by S. Ya. Marshak translation, who, despite all his liberties, preserved the atmosphere of a lively conversation between two people, and emphasized their intonational, emotional and gender differences. It is noted that, having entered into a polemic with S. Ya. Marshak, who made Burns unnecessarily classic and stylistically “smooth”, modern translators created interpretations in the spirit of courteous poetry, largely devoid of the aesthetics of the original, its unique melody.

Key words: R. Burns; “Who is that at my bower-door? ..”; Russian-English literary relations; poetic translation; reception; tradition; intercultural communication.

MATERIAL RESOURCES

- A Ballad Book by Charles Kirkpatrick Sharpe, Esq.* (1880). Edinburgh & London: William Blackwood and Sons.
- Burns, R. (1904). «Kto tam stuchit tak pozdno v dver'?!..». (Translated V. D. Kostomarov). In: *Robert Burns i yego proizvedeniya v perevode russkikh pisateley: s biogr. ocherkom*. Sankt-Peterburg: Izd. A. S. Suvorina. 61—62. (In Russ.).
- Burns, R. (1936). *Izbrannaya lirika*. (Translated T. L. Shchepkina-Kupernik). Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Burns, R. (1939). *Iz Roberta Bernsa*. (Translated S. Ya. Marshak). *Krokodil*, 18: 4. (In Russ.).
- Burns, R. (2014). *Sobranie stikhotvoreniy = Collected poems*. (Translated S. Sapozhnikov). Sankt-Peterburg: Izd-vo Politekhnikeskogo un-ta. (In Russ.).
- Burns, R. (2017). *Stikhotvoreniya: [poemy, poslaniya, epigrammy i stikhotvoreniya na raznye sluchai zhizni]*. (Translated E. D. Feldman). Sankt-Peterburg: Vita Nova. (In Russ.).
- Marshak, S. Ya. (1969). *Sobranie sochineniy. Perevody iz angliyskikh i shotlandskikh poetov*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 8/3. (In Russ.).
- Moy malen'kiy Burns. Vstupitel'naya zametka i perevody A. V. Krotkova. (2018). In: *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noye literaturovedenie*. Moskva: Flinta. 10: 325—328. (In Russ.).
- Poety vsekh vremyon i narodov: sbornik, izdavayemyy V. D. Kostomarovym i F. N. Bergom.* (1862). Moskva: Tip. M. N. Katkova. (In Russ.).
- Ramsay A. (ed.). (1740). *The Tea-table miscellany: or, a collection of choice songs, Scots and English. In four volumes. The tenth edition, being the completest and most correct of any yet published*. London: A. Millar.

- Razgovor (Iz Bernsa). (1879). (Translated M. Shelgunov). *Zhivopisnoye obozrenie*, 51: 518. (In Russ.).
- The Roxburghe ballads by W. Chappell, 1809—1888*. (1889). Hertford: Printed for the Ballad Society by S. Austin and Sons.

REFERENCES

- Arinshteyn, L. M. (1982). Kommentarii. In: Burns R. *Stikhotvoreniya*. Moskva: Raduga. 559—670. (In Russ.).
- Bobyleva, A. (1959). Robert Burns v russkikh perevodakh. In: *Pervyy sbornik studencheskikh rabot. Vyp. filologicheskoy. Ordzhonikidze*. 141—153. (In Russ.).
- Chukovskiy, K. I. (2001). Vysokoye iskusstvo. In: *Sobranie sochineniy. Vysokoye iskusstvo; Iz anglo-amerikanskikh tetradey*. Moskva: TERRA-Knizhnyy klub. 15/3: 3—370. (In Russ.).
- Etkind, E. G. (1963). *Poeziya i perevod*. Moskva; Leningrad: Sov. pisatel. (In Russ.).
- Feldman, E. D. (2015). Burns, Marshak i drugie (XII—XXXII). In: *Khudozhestvennyy perevod i sravnitelnoye literaturovedenie*. Moskva: Flinta; Nauka. 4: 152—219. (In Russ.).
- Kolesnikov, B. I. (1967). *Robert Burns: ocherk zhizni i tvorchestva*. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).
- Kupcha-Zhoshu, A. (1975). Shchedryy dar perevodchika. In: *Masterstvo perevoda*. Moskva: Sov. pisatel. 10: 119—132. (In Russ.).
- Liokumovich, T. B. (1960). Masterstvo S. Marshaka — perevodchika Bernsa. In: *Sbornik studencheskikh nauchnykh rabot. Smolenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiiy institut*. Smolensk. 74—85. (In Russ.).
- Lockhart, J. G. (1828). *The life of Robert Burns*. Edinburgh: Constable and Co; London: Hurst, Chance & Co.
- Lotman, Yu. M. (2005). Struktura khudozhestvennogo teksta. In: *Ob iskusstve. Struktura khudozhestvennogo teksta; Semiotika kino i problemy kinoestetiki: statyi, zametki, vystupleniya (1962—1963)*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. 14—285. (In Russ.).
- Mayzels, S. R. (1969). Primechaniya. In: *Marshak S. Ya. Sobranie sochineniy. Perevody iz angliyskikh i shotlandskikh poetov*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 3: 749—812. (In Russ.).
- Orlov, S. A. (1942). Burns i folklor. In: *Uchenyye zapiski Kuybyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo i uchitelskogo instituta im. V. V. Kuybysheva*, 6: 124—152. (In Russ.).
- Orlov, S. A. (1959). *Narodnyy poet Shotlandii (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya R. Bernsa)*. Gorkiy. (In Russ.).
- Rayt-Kovaleva, R. Ya. (1965). *Robert Burns*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Timofeev, L. I. (1958). *Ocherki teorii i istorii russkogo stikha*. Moskva: Goslitizdat. (In Russ.).
- Tvardovskiy, A. T. (1951). Robert Burns v perevodakh S. Marshaka: [Rets. na kn.: Robert Burns v perevodakh S. Marshaka. Moskva: Goslitizdat, 1950.]. *Novyy mir*, 4: 225—229. (In Russ.).
- Zhatkin, D. N., Futlyayev, N. S. (2019). “The Cotter’s Saturday Night” by Robert Burns in Russian Translation and Literary-Critical Reception of 19 Century. *Nauchnyi dialog*, 6: 102—124. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-102-124. (In Russ.).